

18+

ПОЛИНА ПОЛЕЖАЕВА

И В ГОРЕ
И В РАДОСТИ
И В ПЫЛИ

Полина Полежаева

И в горе, и в радости, и в пыли

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69270463
ISBN 9785005627438*

Аннотация

Устали от рутины? Хотите испытать нечто новое? Нет проблем! Прагмеранская туристическая компания «ТрансПлан» предлагает вам отправиться в незабываемое путешествие на Землю! Познакомьтесь с миром наших предков, с планетой людей, оставшихся в прошлом. Окунитесь в атмосферу древности, насладитесь зрелищем сотрясающих Землю природных катастроф. Но не потеряйтесь в пыли. Приятного путешествия! В сборнике представлены фантастические рассказы и повесть «И в горе, и в радости, и в пыли».

Содержание

И в горе, и в радости, и в пыли	5
Конец ознакомительного фрагмента.	62

И в горе, и в радости, и в пыли Полина Полежаева

Петр Полежаев *Дизайнер обложки*

Полина Полежаева *Иллюстратор*

Ева Хлуновская *Редактор*

© Полина Полежаева, 2023

© Петр Полежаев, дизайн обложки, 2023

© Полина Полежаева, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-0056-2743-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И в горе, и в радости, и в пыли

Гул поезда смолк, распахнулись широкие стеклянные двери, и Мэтт вышел на платформу транспортного блока.

– Доброе утро, док! – выкрикнул кто-то.

– Доброе! – он лениво махнул рукой, даже не обернувшись. Чем ближе Мэтт приближался к Куполу, тем чаще его узнавали.

Из блока он выходил не скованный толпой, хотя за прозрачной пластиковой перегородкой толкалась огромная очередь из пассажиров более низкого класса. Мэтт же добирался до работы с комфортом – это он мог себе позволить. Уже через минуту безлюдный коридор вывел его на огромную изгибающуюся полукругом террасу с покатыми сводами стеклянной крыши. Хотя это и был привычный для Мэтта путь, каждый раз, оказываясь здесь, он на секунду замирал. Странно, как действует на человека вид огромного открытого пространства... Перед ним разворачивалась привычная, но все же будоражащая панорама: громада Купола, будто сияющая гора, прорезала бездонное темное небо и терялась далеко наверху в желтоватой дымке непригодной для жизни атмосферы. Хотя Мэтт никогда не назвал бы себя мечтателем, в этом месте он порой ловил себя на странных мыслях. Тонкая и хрупкая на вид конструкция террасы была единственной преградой между ним и целым миром, бескрайним

и смертоносным. Порой ему казалось, что не он рассматривает планету, а сам Прагмеран наблюдает за ним из-за стекла, словно за аквариумной рыбкой.

К сожалению, на террасе компании надоедливых прохожих было не избежать, и Мэтт быстрым шагом направился ко входу в гигантский многоуровневый Купол. Этот гигант считался одним из главных достижений Прагмерана. На каждом его ярусе поддерживались идеальные условия для жизни сотен видов растений и животных. На первых уровнях выращивали фрукты, овощи и кормовые культуры, а один из этажей представлял собой огромный, пропитанный тонкими ароматами цветочный сад. Следующие ярусы работали под четким руководством Мэтта. Там раскинулись настоящие пастбища для скота, загоны, хлева, ряды инкубаторов, птичьих домиков и клеток для мелких зверей.

Купол снабжал почти весь Прагмеран всевозможными продуктами, тканями, кожей, сырьем: другими словами, он гарантировал самодостаточность планеты. Именно благодаря ему когда-то мелкая колония Земли сумела добиться независимости и превратиться в настоящего экономического гиганта, в новый самостоятельный мир. Эту прекрасную историю Мэтт много раз слышал от назойливого гида, что таскался по ярусам с группой туристов два раза в день по субботам.

– Доброе утро, мистер Маррет, – услышал Мэтт, едва переступив порог холла. Мей, симпатичная администратор,

неизменно встречала его за стойкой регистрации.

– Доброе, – как обычно ответил он и поспешил к лифтам. Кабина, к счастью, пришла пустой, и Мэтт занял самые удобные центральные «стопы». В лифт помещалось всего девять человек, и для каждого на полу было обозначено место, чтобы все находились на комфортном расстоянии друг от друга. Центральное место казалось Мэтту наиболее удобным – так ему не приходилось обходить других пассажиров при выходе.

– Третий ярус, тропический блок, – раздался приятный женский голос из лифтового динамика. Двери открылись, и на Мэтта хлынула теплая и влажная духота. Каждый раз, проезжая эти ярусы, он думал о том, что никогда не смог бы работать в этом кошмарном климате, да еще и в обществе растений. Увлечение своих коллег цветами, фруктами и экзотическими овощами, типа тыквы, он не разделял.

Через секунду после удара вязкого воздуха перед ним возник крупный мужчина в белом пластиковом халате. Над его нагрудным карманом яркой точкой горел маленький зеленый лист. Этих сотрудников Купола Мэтт так и называл – «халаты».

– Мистер Маррет, – пробасил мужчина и занял «стопы» у дальней стенки лифта.

Голос еще несколько раз называл ярусы, пассажиры входили и выходили, а Мэтт стоял, радуясь тактически правильно занятому месту.

– Двадцать третий ярус, блоки коневодства и управления сельским хозяйством.

К тому моменту Мэтт остался в лифте один и не стал сдерживать довольную ухмылку при виде своего яруса. Здесь были идеально-белые стены, яркий свет, струящийся с высокого потолка, имитировал естественное дневное освещение, а стойла и загоны были выстланы чистейшей соломой (производили ее шестнадцатью ярусами ниже). Но главной гордостью Мэтта была огромная платформа, покрытая настоящей травой, что вращалась в самом центре яруса. По ней, не сдвигаясь с места, неся племенной табун высококлассных лошадей. Рядом с платформой группа людей в белых халатах внимательно отслеживала что-то на мониторах.

– Доброе утро, мистер Маррет!

– Доброе! Ну что, как успехи? – люди расступились, чтобы открыть Мэтту вид экранов. Он пробежал глазами по цифрам и графикам и хмыкнул.

– А что с девятым номером? Почему показатель упал?

– Сэр, нам показалось, что она прихрамывает с самого утра, мы не знали, что...

– Прихрамывает?! – прошипел Мэтт. – Так уведите ее с платформы, живо! Сейчас кто-нибудь из вас побежит там вместо нее!

Вообще Мэтт был не вспыльчивым человеком, а даже, скорее, мягким. Но, как только речь заходила о неумелом обращении с животными, он выходил из себя.

– Кто выпускал лошадей? – спросил он, пока один из «халатов» уводил с платформы молодую пегую кобылу, которая, действительно, едва заметно хромала на заднюю ногу.

– Я, – чуть слышно отозвался неказистый толстячок с еще детским испуганным лицом.

– Ты уволен, – с нажимом, но не повышая голос, сказал Мэтт. Даже в ярости он не забывал о таких правилах поведения, как громкость разговора или расстояние до собеседника. – Сдай халат и, если хочешь, иди устраиваться сборщиком овощей на пятый ярус! До свидания!

Когда толстячок, хлюпая носом, скрылся в лифте, Мэтт отправился в свой офис, пообещав лично осмотреть пегий девятый номер. Кабинет был огромным, каким и подобает быть кабинету начальника доброй половины Купола. Панорамное окно выходило на город. Он расползлся лабиринтом коридоров, блоков, корпусов, террас и башен, что уходили вглубь планеты, оставив на ее поверхности лишь свои макушки. Транспортные тоннели, как сосуды огромного организма, мерцали огнями несущихся поездов и автомобилей, то скрываясь под иссушенной землей, то упрямо прорываясь на поверхность. Город жил, его система работала, позволяя миллионам жителей просыпаться и отправляться на работу каждое утро. Безусловно, он был красив: обилие стекла и прозрачного пластика делало его невесомым, словно облако мыльной пены.

Мэтт бывал и в других городах Прагмерана, которых те-

перь было бесчисленное множество. Иногда там открывались сельскохозяйственные центры или учебные заведения, где он был обязан побывать, чтобы произнести речь на открытии или даже провести курс лекций для управленцев и ветеринаров. Хотя, признаться, эти города мало чем отличались друг от друга.

Мэтт опустил за тяжелый металлический стол и углубился в повседневную бумажную канитель. Через пару минут его отвлек звонок. На экране появилось свежее и веселое личико Клары.

– Милый, доброе утро! – девушка послала воздушный поцелуй, собрав бантиком пухлые губки, над которыми потрудились немало хирургов.

– Привет, моя хорошая, – ответил Мэтт, уменьшив на мониторе окно с ее лицом, чтобы оно не закрывало необходимые для работы документы.

– Я хотела сказать, что зайду к тебе сегодня вечером. Хочу встретиться еще разок перед тем, как ты улетишь.

– Клара, меня не будет всего одну земную неделю – это десять наших дней!

– Ну и что, это же значит, что на целых десять дней моя женская натура останется невостребованной, – она засмеялась и помахала рукой. – До вечера!

Ее лицо исчезло с экрана, и Мэтт снова попытался сосредоточиться на витиеватом тексте документов. Спустя пару минут, осознав, что его глаза десятый раз пробегают по од-

ной и той же строчке, он вздохнул и встал из-за стола. Платформа в главном зале уже остановилась, лошади были в стойлах, и он решил осмотреть кобылу под номером девять.

– Давай поглядим, что с тобой приключилось, – Мэтт ощупал ее ногу и сделал рентгеновский снимок миниатюрным аппаратом. – Ну вот, кости целы, растяжения нет. Похоже на обычный ушиб, ты так не считаешь?

Кобыла фыркнула, изогнула тонкую шею и уткнулась в Мэтта теплым лошадиным носом. На самом деле, должность позволяла ему не контактировать с животными, и подобная инициатива казалась его сотрудникам довольно странной. Не говоря уже о разговорах с этими бессловесными существами.

– Пока нога не пройдет, не вздумайте выпускать девятый номер на платформу, – сказал он по дороге в офис одному из «халатов», и тот энергично закивал головой, не забыв еще, что случилось утром с нерадивым толстячком. Никто не хотел оказаться двадцатью ярусами ниже за сбором овощей.

Заблокировав дверь кабинета, Мэтт включил музыку, заполнившую помещение мягко гудящими электронными аккордами.

«Земная музыка, в отличие от колониального Прагмерана, имеет ярко выраженную натуралистическую основу», – вспомнил он недавно услышанную фразу. Мэтт извлек из ящика стола продолговатую пластиковую карту, на которой стильным шрифтом обозначалось: «Земля – колыбель

человечества! Семидневный тур по планете первых людей. Посещение мест обитания коренных жителей и знакомство с традиционной культурой малоразвитых цивилизаций.

В стоимость карты включены билеты Прагмеран – Земля, Земля – Прагмеран, проживание и экскурсионные услуги. Путешествуйте с ТрансПлан!»

Мэтт приложил карту к монитору, как это было изображено на ее обороте, и в тот же миг на экране включилось видео. На нем стройная девушка в обтягивающем костюме рассказывала о предстоящей поездке.

«Земля – планета, на которой зародилась жизнь, а потом и само человечество», – заговорила она на фоне ярких и не очень правдоподобных фотографий. – «Долгие тысячи лет она вынашивала древние цивилизации, будто заботливая мать. Но выросшее дитя всегда стремится покинуть родной дом и отправиться к собственной судьбе. Так и поступило человечество в 2167 году, когда было создано первое колониальное поселение на Прагмеране – нашем новом доме. Доме, что позволил нам идти вперед, развиваться и основать новую цивилизацию. Спасибо тебе, Земля, что родила нас. Спасибо, Прагмеран, что вырастил. Процветание нашей цивилизации превратило зависимую некогда колонию в самостоятельный мир. Земля осталась далеко позади – в техническом, экономическом и социальном плане.

Мы предлагаем вам познакомиться с миром наших предков, с миром людей, оставшихся в традиционном прошлом.

Испытайте неповторимые ощущения от наблюдения за жизнью и бытом Земной цивилизации. Окунитесь в атмосферу древности и натуралистической природы человека. Окажитесь на несколько дней на предыдущей ступени развития и взгляните в будущее по-новому. Попробуйте дикую кухню, познакомьтесь с традиционными путями создания музыки, узнайте много нового о жизни на Земле и получите незабываемые впечатления».

Экран погас, Мэтт снял карту с монитора и покрутил в руках. «Уже завтра», – подумал он.

Вечером, оставив поручения и инструкции старшим сотрудникам отдела, Мэтт покинул Купол. В поезд садиться не хотелось, и домой он отправился на такси, рванувшем в тоннель, уходящий под землю. Водитель был отгорожен от пассажирского отсека толстым стеклом, в салоне переливались мягкие успокаивающие звуки. Мэтт лег на широкое сиденье, тут же превратившееся в кушетку, и вынул одноразовую рамку-брошюру, которую получил при покупке путешествия на Землю. Она во многом повторяла видео, что он посмотрел в офисе, но, помимо прочего, рассказывала об особенностях и обычаях коренных жителей. Если верить брошюре, о них следовало знать каждому путешественнику с Прагмерана.

– Да, дикий народ, – пробормотал Мэтт, отключая рамку и выбираясь из такси.

Его апартаменты находились на одном из верхних эта-

жей огромного жилого блока – лучшего во всем городе. Как и большинство прагмеран, он жил один, если не считать огромного, но добродушного мастифа по кличке Бройлер. Видимо, он был единственным чудаком на всей планете, кто держал дома пса, но Мэтт всегда ссылался на свою профессию, и ему прощались любые капризы.

Как обычно, первым, что услышал Мэтт, зайдя в квартиру, был раскатистый лай Бройлера. За ним последовал тяжелый топот, и через мгновение в прихожую вылетела огромная сопящая собака, будто полностью состоящая из толстых складок кожи.

– О, спокойно! – Мэтт едва успел увернуться от поразительно проворной для своих размеров зверюги.

Не успел пес смолкнуть, как раздался пронзительный звонок. «Как всегда, не вовремя», – поморщился Мэтт и ухватил Бройлера за широкий пластиковый ошейник.

За дверью, разумеется, оказалась улыбающаяся Клара. На ней был костюм, точь-в-точь как у девушки из видео, и яркий макияж. Комбинезоны, которые носил каждый прагмеранин, сохранились с тех самых пор, как первые колонисты прибыли на планету. Их летные костюмы сразу стали символом этого нового мира и до сих пор не вышли из моды. Сейчас их было великое множество – рабочие, спортивные, повседневные и даже вечерние комбинезоны стали привычной одеждой для прагмеран.

– Я не вовремя?

– Ты всегда вовремя, заходи. Я только что с работы.

– Не могла дождаться, – Клара, шагнув было вперед, вдруг остановилась и театрально закрыла лицо руками. – Ой, милый, пожалуйста, убери это страшное животное! Я боюсь, пожалуйста!

– Извини, – Мэтт потащил упирающегося пса за собой по коридору. – Не успел его закрыть.

Едва собака исчезла с ее пути, Клара весьма раскованно прошла в гостиную и опустилась на диван, прихватив со стола банку сока.

– Как прошел день?

– Неплохо, в основном за документами, – отозвался Мэтт. Из столовой донеслись грохот полетевшего в миску корма и не менее громкое чавканье. – А у тебя?

– Отлично, как всегда. Снималась для рекламы родопродолжения.

Мэтт вздохнул. Пропуск землян на Прагмеран закрылся уже много лет назад, а людей, имевших достаточно времени и желания заводить детей, становилось все меньше. И тут на помощь пришла инновационная Программа родопродолжения, в разы ускорившая заселение планеты. В ней участвовали и Мэтт с Кларой, и любой, кто хотел способствовать развитию колонии. Достаточно было пройти медицинское обследование, получить пару необходимых документов, счет для получения дотаций и доступ к базе партнеров. После этого нужно было лишь выполнять план с выбранным

и закрепленным за тобой человеком: ничего сложного, просто исполнение биологических функций. Мэтт и Клара, как и большинство других пар, редко общались в свободное время. Плоды Программы изымались, дабы не усложнять жизнь ее участникам, и воспитывались в специализированных центрах. Практически все прагмеране одного с Мэттом возраста сами были продуктами этой Программы.

Пусть Бройлер и был его любимцем, чистым и абсолютно здоровым, Мэтт вернулся в гостиную только после тщательной дезинфекции рук.

– Иди ко мне, – Клара растянулась на диване, отбросив пустую банку.

– погоди, мне тут еще нужно кое-что... – Мэтт прошел мимо нее и исчез в своем кабинете. Сам не зная, зачем, он начал громыхать ящиками, ворошить какие-то папки, картриджи и электронные рамки.

– Милый, успокойся, – раздался голос у него за спиной. Руки Клары доверчиво обвились его плечи. – Я понимаю, что ты нервничаешь из-за поездки. Если честно, я вообще не знаю, что хорошего в этой Земле. Но, если тебе это интересно, ты обязательно должен там побывать.

– Я и сам не пойму, почему на это решился. Возможно, это глупость...

– Но почему бы не позволить ее себе, раз ты хочешь? Сотни людей, которым это по карману, летают на Землю, возвращаются, показывают сделанные там снимки и продолжа-

ют жить нормальной жизнью.

– Да, ты права, – Мэтт повернулся к ней. – Это просто недельная поездка... Странно, что я так волнуюсь.

Как и любой образованный прагмеранин, Мэтт хорошо знал историю освоения космоса. Он поднимался по трапу в небольшой шаттл с вычурным лого «ТрансПлан» на борту, когда его снова захватили странные мысли. Ведь когда-то давным-давно люди и не мечтали выйти за пределы своей Солнечной системы. Они, словно муравьи с двадцатого яруса Купола, ползали от планеты к планете, тратя десятки лет жизни только на то, чтобы добраться из точки А в точку Б. Признаться, Мэтт до сих пор в это не верил: он и представить себе не мог, что человек способен добровольно изгнать себя с родной планеты и на долгие годы застрять в крохотном смехотворном подобии корабля. И что бы сейчас сказали эти великие космонавты, узнав, что на путешествие от Прагмерана до Земли уходит каких-то сорок семь минут? Всплакнули бы они над потраченными впустую годами своих жизней? Хотя, вряд ли.

– Уважаемые пассажиры, просьба занять свои места и пристегнуть ремни безопасности. Наш шаттл готовится к взлету. Время на выход с орбиты Прагмерана – двадцать минут. Время прыжка в гипер-тоннеле – три минуты. Время на посадку в пункте назначения – двадцать четыре минуты. В салоне шаттла для вас работают наши прекрасные стюардессы, а также приготовлены напитки и закуски. Мониторы

будут отключены на время входа в гипер-тоннель. Приятного полета. Путешествуйте с ТрансПлан!

Мэтт занял место у окна и откинулся на удобную спинку кресла. Вернее, это было не окно и даже не иллюминатор – на прагмеранских кораблях их заменяли экраны, с абсолютной точностью передававшие то, что снимали наружные камеры. Во-первых, так пассажиры могли наслаждаться потрясающим видом космического пространства и, главное, Землей. Во-вторых, иллюминаторы уже давно не использовались на шаттлах, подготовленных к проходу через гипер-тоннель. Эти корабли совершали безумный скачок в пространстве, а иллюминаторы в таком случае становились лишь слабым местом всей конструкции.

Пол под ногами завибрировал, и в такт с ним тело Мэтта забило мелкой дрожью. Ему уже не раз приходилось летать, но в своих поездках он никогда не покидал родной планеты. А значит, никогда не испытывал перегрузок от выхода из атмосферы и проклятого прыжка. И зачем он в это ввязался?

Мэтт так и не увидел, как удаляется, становится совсем крошечным и наконец исчезает в дымке космопорт, не увидел огненных сполохов, стелющихся по бортам шаттла. Он просто не смог заставить себя открыть глаза. Только когда чудовищный гул начал стихать, а тряска снова превратилась в легкую вибрацию, он взглянул на экран. Там, окутанный бледным ореолом, из крошечной темноты космоса на него смотрел желто-багровый гигант – Прагмеран. Через мгнове-

ние шаттл изменил курс, и красный шар исчез из поля зрения, уступив место мерцающей бездне.

До того, как пассажиров вдавило в кресла, в ушах поднялся мерзкий свист, а в глазах не несколько секунд потемнело, Мэтт попытался рассмотреть людей, с которыми он отправился на совершенно чуждую ему планету. Напротив него сидел пожилой мужчина с солидным животом, стянутым ремнем безопасности, а места впереди занимали юноша и девушка в чересчур яркой одежде, явно летевшие вместе. Мэтт поймал себя на мысли о том, участвуют ли эти двое в Программе родопродолжения. От этого ему вдруг стало противно и неловко. Когда он попытался незаметно повернуться назад и рассмотреть остальных пассажиров, раздался сигнал, предупреждающий о прыжке, и Мэтт ощутил на себе удар перегрузки.

– Мистер Маррет, с вами все в порядке? Мистер Маррет? Вы слышите меня?

Мэтт так и не сумел понять, отключился ли он на мгновение или просто закрыл глаза. Перед ним возвышалась стройная стюардесса в фирменном комбинезоне «ТрансПлан» и протягивала таблетку со стаканом воды.

– Возьмите, это поможет восстановиться после прыжка. Через две с половиной минуты мы выйдем из тоннеля.

– Спасибо, – он принял таблетку и прикрыл глаза. Пульсация в висках подсказывала, что от перегрузки у него подскочило давление – начало путешествия оказалось доволь-

но неприятным. Мониторы, действительно, погасли, и Мэтт старался не думать о том, что происходит снаружи. От волнительного предвкушения встречи с Землей остались лишь тревога и головная боль. Он окликнул стюардессу, попросил еще воды и так и застыл со стаканом в руке.

Все мониторы шаттла разом проснулись, и на них показался огромный сияющий голубизной шар. Он рос на глазах, а его спокойное свечение словно расползлось по темной глади космоса. Странно, Мэтт столько раз видел снимки Земли с орбиты, но та картина, что развернулась перед ним сейчас, была чем-то совершенно иным. И пусть это было лишь изображение с камер – планета выглядела по-настоящему живой. На ее поверхности уже обозначились яркие пятна морей и континентов, местами скрытые молочно-белыми разводами облаков. Мэтту казалось, он даже видит цепи гор с заснеженными пиками. Но самым необыкновенным был тот синий ореол, что, приближаясь, превращался в настоящее небо. Светло-голубое, а не бледно-желтое.

Пассажиры шаттла охали, а юноша, сидевший впереди, что-то рассказывал своей спутнице и тыкал пальцем в экран.

– Дамы и господа! – открылась одна из служебных дверей, и перед ними предстала молодая женщина с сияющей улыбкой и в очень странной одежде. – Добро пожаловать в Солнечную систему! Уже совсем скоро мы совершим посадку на Земле – колыбели человечества!

Мэтт с удивлением рассматривал сочетание расклешен-

ных джинсов с пушистым розовым кардиганом, из-под которого выглядывал воротник классической рубашки. Он, разумеется, ни черта не понимал в земной моде, но даже его скудных представлений хватало, чтобы понять – с костюмом произошло что-то неладное.

– Меня зовут Жоан Ритти, я буду вашим экскурсоводом и проводником в этот потрясающий мир древности на все следующие семь дней. Итак, позвольте напомнить вам порядок нашего путешествия, – у Жоан был странный, режущий слух голос, который в сочетании с ее костюмом давал умопомрачительный эффект. – Первый день – «Малоразвитые народы Южной Америки», второй день – «Ужас и красота Африки», третий – «Закат Европы». На четвертый день нашей темой будет – «Славянские аборигены», пятый – «Вымирающая Азия», шестой – «Как можно жить на острове?». А на седьмой день вы, наконец, отдохнете, ведь у нас очень насыщенная программа!

Мэтт понимал, что через неделю постоянного звучания этого голоса он будет сниться ему в кошмарах до конца жизни.

– Но я должна предупредить, что у нас есть одно важное изменение в расписании. Сегодня, вместо Южной Америки, мы летим сразу в Евразию, на территорию Старой России, чтобы увидеть редчайшее событие! Уже через несколько дней на просторы Нижнего Поволжья обрушится безумная пыльная буря – феноменальный катаклизм! Приходит

она крайне редко и в прошлый раз бушевала целых шесть лет назад! У вас есть уникальная возможность наблюдать, как коренное население Земли противостоит гневу планеты, как военные эвакуируют жителей, и как земляне спасаются от опасности. Соответственно, обратите внимание, что мероприятия первого и четвертого дня в расписании меняются местами. А теперь, пожалуйста, проверьте ремни, мы входим в атмосферу. Увидимся внизу!

Ритти скрылась за дверью, экраны погасли, шаттл сильно затрясло.

– Какое-то Поволжье, какая-то буря, – бормотал Мэтт, вцепившись в подлокотники. – Зачем нам буря, почему бы лучше не посмотреть на что-нибудь поприятнее.

Но, когда корабль выровнялся, а пассажиры облегченно вздохнули, он и думать забыл о недовольстве, снова уткнувшись в экран. Мэтт помнил, что перед ним было не окно, но ему ужасно хотелось прижаться к нему лицом, чтобы увидеть больше. Земля расстилалась прямо под ними пестрым полотном: бледно-желтые просторы степей прерывались зеленеющими кромками лесов и голубоватыми каменистыми массивами предгорий, реки переплетались, словно ветви огромного дерева, между пологими склонами холмов. Шаттл снижался, и вот на цветастом покрывале земли начали мелькать крошечные домики. Мэтт видел их на фотографиях, но никак не мог поверить, что где-то во вселенной еще сохранились такие древние постройки с покатыми кры-

шами и маленькими окошками. Теперь он различал и дороги, сверху напоминавшие узкие реки, по которым сновали смешные земные автомобили – еще один пережиток старины. Стоило шаттлу опуститься еще чуть ниже, как Мэтт едва не вскрикнул: «Смотрите, смотрите сюда!», – невдалеке он лишь мельком увидел стадо самых настоящих коров. Для него, привыкшего наблюдать за животными в стенах Купола, это казалось чем-то невозможным.

Тут экраны переключились на носовые камеры корабля – впереди показался город. Вернее, так сообщил через динамики пронзительный голос Ритти, но вот сам Мэтт никакого города не увидел. Пассажиры, нахмурившись от натуги и подавшись вперед, вглядывались в медленно плывущую картинку. Впереди лесной массив пересекала водная гладь. Огромная река, скорее, напоминавшая Мэтту море, будто делила весь мир пополам, теряясь где-то вдалеке и упираясь прямо в голубое небо.

– Вот он, я вижу! – раздался вдруг до неприятия громкий голос девушки в ярком комбинезоне. – Прямо за рекой!

В другой обстановке Мэтт непременно бы поморщился от столь вызывающего поведения молодой особы, но сейчас он лишь придвинулся чуть ближе к экрану:

– Да где же? – пробормотал он и вдруг тоже увидел город. Признаться, для прагмеранина это была нелегкая задача, ведь на горизонте не сияли высоченные башни из стекла и железа, а под солнцем не отливали глянцем стены жилых

блоков. Город оказался скоплением крошечных (по представлениям Мэтта) каменных домиков, между которыми пролегла нечеткая сетка улиц, как ни странно, поросших деревьями. Среди этих маленьких построек попадались странные и просто невероятные сооружения: одно было похоже на скругленную башню, почему-то покрытую позолотой, другое было украшено шпилем, а третье, широченное и круглое, и вовсе было лишено крыши.

Мэтт вглядывался в ряды домов из старинного кирпича и не мог поверить в то, что видит. Строения стояли прямо на земле, а люди выходили на улицы и дышали неочищенным воздухом, подставляли лица солнечным лучам, даже не думая как-то защититься от радиации. Шаттл снова начал набирать высоту. Крыши сменились ковром травы и пушистыми кронами, и вдруг пассажиры корабля, словно сговорившись, восхищенно охнули. На вершине холма в небо на десятки метров поднималась статуя – каменный исполин, что возвышался над городом, словно Купол над безжизненной гладью Прагмерана.

– Это женщина?

– Не может быть!

– А что у нее в руке?

Поднявшийся в шаттле гул стих под натиском визгливого голоса из динамиков:

– С прибытием, друзья! Мы готовимся совершить посадку в Волгограде! Пожалуйста, не отстегивайте ремни до полной

остановки шаттла. На экранах вы видите одно из немногих сохранившихся чудес Земли – статую «Родина-Мать». Подробнее о ней вы можете прочитать в сегодняшней информационной рамке.

Мэтт откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Только сейчас он понял, что даже не задумывался о том, что увидит здесь. У него не было каких-то определенных ожиданий или мыслей по этому поводу. Он просто летел. Летел от скуки, как, в принципе, и каждый на этом корабле. И сейчас реальность увиденного оглушила его, ввела в ступор. Его преследовало странное ощущение, будто он заснул в собственной постели, а проснулся в совершенно незнакомом месте.

Вскоре шаттл замедлил ход, на мгновение завис в воздухе и начал медленно опускаться. Оказалось, небольшой космодром примыкал прямо к центральной части города, где, впрочем, располагался и старинный железнодорожный вокзал. Вид медлительного гроыхающего поезда привел прагмеран почти в детский восторг.

Экраны погасли, распахнулись пассажирские ворота, и в салон хлынул яркий свет, от которого сразу начали слезиться глаза. На выходе из корабля их уже поджидала Ритти с целой коробкой солнцезащитных очков. Как им объяснили позже, купола и стекла на Прагмеране были затонированы для создания комфортного уровня освещенности. Здесь же солнце палило так, как ему вздумается, поэтому прибывающим на Землю приходилось какое-то время при-

выкаты к естественному свету.

Едва двери шаттла открылись, как в салон ворвалась еще и волна звука. Пассажиры выходили и толпились возле корабля, не понимая, что происходит и что им делать дальше. Многие выглядели испуганными. За ограждением, установленным вокруг посадочной площадки, оказалось море людей. Они кричали, размахивали какими-то флагами, плакатами, сотни рук поднимали в воздух устаревшие аппараты для съемки.

«Добро пожаловать в Россию!», – прочитал Мэтт на одном из плакатов.

– Что здесь происходит? – прокричал он прямо на ухо Ритти.

– Они встречают вас! Здесь прилет шаттла считается редким событием, на которое собирается посмотреть куча народу! – она подняла руку, привлекая внимание пассажиров. – Прагмеран, за мной! Проходим, не стоим! Вот сюда, за доктором Марретом, не задерживайтесь!

Пока Жоан подгоняла последних ошарашенных туристов, Мэтт оказался первопроходцем их группы на этой планете. Его потеснили к проходу между ограждениями, уходящему куда-то от посадочной площадки. Он шел первым и (после ему было стыдно в этом признаться) ужасно боялся. Коридор казался слишком узким, а сразу за невысоким заборчиком были люди: они кричали, тянули руки, фотографировали, смеялись... И все это происходило слишком близко

к нему. О соблюдении комфортного расстояния по ту сторону ограждения и речи не шло. Люди стояли вплотную, напирали друг на друга, даже залезали на плечи тем, кто был повыше! Подобного ужаса Мэтт не испытывал еще никогда. Прямо за оградой он увидел нескольких человек в военной форме. «Они охраняют нас», – понял Мэтт, и от этой мысли ему стало еще хуже. – «Значит эта толпа может напасть?! Боже, безумное место, безумная планета!»

Проход резко расширился, и перед Мэттом оказались ступеньки, ведущие ко входу в старое каменное здание. Мимо него пронеслась Ритти, и ее розовая кофта развевалась на ветру, словно пушистый флаг. Она распахнула двери перед оцепеневшими от ужаса прагмеранами, и те спешно убрались с глаз надрывающейся толпы.

Едва они оказались в просторном пустом холле, как все заговорили наперебой:

– Что это вообще было?!

– Это покушение! Там были военные! Вы их видели?

– Куда вы вообще смотрели?!

Ритти подняла руки и ее противный голос, разлетаясь эхом по комнате, заставил всех замолчать:

– Дорогие мои, все в полном порядке, эти люди пришли, чтобы полюбоваться на приземляющийся шаттл и поприветствовать вас. Это своеобразная традиция. Земляне часто собираются вместе, чтобы увидеть что-то интересное. Даже администрация города придумывает разные развлекательные

мероприятия. Для Земли это нормально!

Мэтт молчал. Слишком много переживаний подарила ему эта планета за первые несколько минут – от эйфории до страха смерти.

Прагмеране, возглавляемые Ритти, пересекли пустой холл и вышли на странную асфальтированную площадку, сплошь иссеченную белыми и желтыми полосами.

«Парковка», – заметил табличку Мэтт и хмыкнул.

Их встречал старый автобус на шести огромных колесах, который вызвал у группы неподдельное восхищение – именно такие автомобили первыми пустили по тоннелям Прагмерана, когда на нем была основана колония.

– Для землян, – отметила Ритти, – Это редкий и высококласный транспорт. Не смейтесь! Условия здесь требуют большей проходимости, чем специально спроектированные тоннели. На этой планете господствует природа, а она заметно усложняет жизнь людей.

Мэтт занял место в самом конце чудного автобуса – здесь голос Ритти не так резал слух, и можно было более или менее расслабиться. Он прислонился к толстому стеклу. За ним неспешно проплывали дома людей, о чьей жизни он довольно много слышал, но, как оказалось, не имел ни малейшего представления. Автобус остановился, пропуская поток машин, и на первом этаже одного из маленьких кирпичных домиков Мэтт заметил вывеску, сделанную прямо на лакированной доске и обвитую маленькими золотыми лампочками.

«Тимьян», – прочитал он. Через единственную стеклянную витрину виднелся небольшой светлый зал. Он был заставлен столиками, сделанными, видимо, из тех же досок, что и вывеска. За ближайшим сидела девушка в открытом летнем платье. Ни одна прагмеранка не решилась бы появиться на людях в подобном наряде, но Мэтту он, признаться, даже понравился. На мгновение замешкавшись, он привстал с кресла и замахал руками, пытаясь привлечь внимание Ритти.

– Жоан! Эй, мадам экскурсовод! – его крик пронесся над рядами пассажиров и заставил розовую кофточку взвиться с места.

– Что случилось?! – через секунду Жоан уже стояла рядом. Она не раз сталкивалась с непредсказуемым действием Земли на прагмеран. Особенно чувствительные и возбудимые личности порой сильно осложняли ее работу, и Ритти, как опытный гид, мгновенно откликалась на любое странное поведение со стороны туристов.

– Что это такое? – Мэтт указал на вывеску и витрину, за которой все еще виднелась девушка в платье. В это же мгновение автобус тронулся с места.

– Где? Вы про «Тимьян»? Это кафе – место, где земляне могут поесть или выпить в свободное время. В этом заведении, надо признаться, прекрасная выпечка. Такие места напоминают пищевые блоки на Прагмеране, но здесь их посещают еще и для отдыха или развлечения.

– Они развлекаются тем, что едят? – из-за спинки стоящего впереди кресла показалась голова девушки в ярком комбинезоне. – Это как-то странно.

– За время нашего путешествия вы увидите много странных и даже безумных развлечений, которые встречаются на этой планете. И поверьте, походы в кафе – не самая дикая из всех привычек землян.

Вскоре автобус остановился на довольно широкой асфальтированной площади, и Ритти пригласила группу выйти. К счастью, здесь людей было совсем немного, и Мэтт, наконец, смог спокойно осмотреться. Он глубоко вдохнул. Воздух был куда теплее, чем он привык, и наполнился странными незнакомыми запахами. Представив на секунду, сколько вредных газов и бактерий витает вокруг него, Мэтт едва не поперхнулся и поспешил отогнать эту неприятную мысль. Он уже прилетел – поздно думать об экологии.

– Мы идем в этот блок? Ой, простите, дом? – спросил гида полный мужчина, махнув в сторону аккуратного, но очень старого на вид трехэтажного здания.

– Да, мистер Топпинен, мы идем обедать в пищеблок.

– Но ведь вы сказали, что вместо них земляне ходят в кафе!

– В этом здании заседает администрация города, и для них, как очень занятых людей, его все-таки поставили. Единственный, насколько я знаю.

На вид пищеблок оказался довольно простым. Не стоило

даже сравнивать его с тем, что располагался в Куполе. Этот уступал любому на Прагмеране. Просторный зал пересекали ряды металлических столов с антибактериальным покрытием, а вдоль стены тянулась колонна пищевых автоматов. В целом, место выглядело успокаивающе знакомым, но тоже порядком устарело: выбирать блюдо приходилось не в настольном меню, как это было в Куполе, а на стене рядом с автоматом раздачи, у которого собиралась целая очередь. Поднос тоже нужно было таскать самому.

Мэтт лишь пожал плечами, когда полный мужчина отметил, что аппаратура – настоящий хлам. Его заинтересовало другое: проследив, что группа освоилась в обеденном зале, Ритти миновала пищеблок и свернула за угол. Настенный указатель, бестолково мигая, подсказывал, что там расположилось «кафе».

Обойдя стороной очереди, в которых, разумеется, никто не толкался и не подпирал друг друга, Мэтт заглянул за угол. Там оказалось еще одно помещение, оно было меньше пищеблока и выглядело просто невероятно. Столы здесь были деревянные, а кроме привычных стульев вокруг них стояли мягкие кресла и диваны. Вдоль одной из стен протянулась длинная стойка, а над ней Мэтт увидел таблички, испещренные мелкими надписями. Кажется, они были сделаны от руки. Но больше всего его удивило огромное количество вещей совершенно непонятного назначения: фотографий, висевших прямо на стенах, горшков с растениями, книжных

полок и светильников с массивными абажурами над каждым из столиков. Все это никак не вязалось с местом, предназначенным для еды.

Ритти, внимательно изучавшая надписи на табличках рядом со стойкой, вдруг обернулась и помахала Мэтту рукой. Он в нерешительности покосился на группу (никто не обратил на него внимания) и, протиснувшись между столиками, подошел к Ритти.

– Доброе утро, – поздоровалась не очень симпатичная, но улыбчивая девушка за стойкой, которую Мэтт сначала не заметил.

– Доброе, – пробормотал он, обнаружив вдруг, что таблички представляют собой не что иное, как меню.

– Почему вы ушли от группы? Не понравился наш пищеблок? – когда Жоан выходила из роли гида и не надрывала связки, голос ее становился куда более приятным, и из него пропадали раздражающие визгливые нотки.

– Нет, почему же, – Мэтт вдруг почувствовал себя растерянным и совсем чужим в комбинезоне и затемненных очках, которые болтались на нагрудном кармане. – Просто любопытство. Простите за вторжение, я, наверное, пойду.

– Зачем же, оставайтесь! – запротестовала Ритти и ткнула пальцем в таблички над стойкой. – Выбирайте себе что-нибудь. Мы все-таки на Земле, нужно хотя бы раз попробовать, что тут едят.

– Смахивает на то, что предлагает пищеблок.

– Здесь дело не в названии, а в самом блюде. Давайте, смелее.

Мэтт, недолго думая, заказал то, что обычно брал на завтрак в Куполе – яичницу с грибами, поджаренный хлеб и кофе. Ритти взяла блинчики с какао. Девушка записала заказ и исчезла за дверью возле стойки.

– Куда это она? – не понял Мэт.

– Передать повару чек, – Жоан направилась к угловому столику, над которым нависала не дающая Мэтту покоя книжная полка. – Теперь надо подождать, когда нашу еду приготовят и принесут.

Подумав о том, сколько людей уже ели на этой (явно не стерильной) столешнице и на многоразовой посуде, Мэтт внутренне содрогнулся, но виду не подал. Оскорблять Ритти и работавшую здесь девушку своей брезгливостью он точно не хотел.

– Ритти, знаете... Я, кажется, догадываюсь, почему здесь есть фотографии или цветы, но объясните, как с этим местом связаны книги?

– Книги? – гид подняла голову, следуя за взглядом Мэтта. – А, я вас понимаю, мистер Маррет. Поначалу мне это тоже казалось странным, но земляне действительно часто читают, даже во время еды или за чашкой кофе. Особенно те, кто приходит в одиночку.

– Читают за едой, – повторил Мэтт и покачал головой. – Странно, что они еще не спят здесь.

Он замолчал и бросил на Ритти подозрительный взгляд.

– Скажите, если не секрет, вы ведь с Прагмерана?

– Разумеется, я сотрудник компании ТрансПлан.

– Но живете вы на Земле?

– Да, пока работаю, а во время отпуска возвращаюсь домой. А почему вы спрашиваете, мистер Маррет?

– Простите, просто любопытство.

– Яичница с грибами и блинчики, – оповестила девушка, внезапно появившаяся рядом с тарелками в руках. – Приятного аппетита.

– Поразительно, – отметил Мэтт, пробуя еду. – Это и вправду лучше, чем в пищеблоке. Но почему?

– Потому что готовили люди, – Ритти загадочно улыбнулась.

После обеда группа пересела из автобуса в пассажирский планетный шаттл. Он во многом напоминал корабль, на котором они летели с Прагмерана, но был меньше и не предназначался для выхода из атмосферы. Здесь, вместо экранов, были настоящие большие иллюминаторы, к которым тут же прильнули туристы. Недалеко внизу расстилались земли Поволжья.

Мэтт продолжал беседовать с Ритти до самой посадки. От нее он узнал, что они летят на юг, где издревле на многие километры тянулись сельскохозяйственные угодья. Раньше эти районы славились плодородием. Здесь, в живой земле, выращивались самые разные культуры, начиная от овощей

и заканчивая экзотическим для Прагмерана рисом. Поголовье скота исчислялось сотнями тысяч, а по пастбищам бродили племенные коровы, овцы, козы и даже верблюды. Сейчас оставшиеся хозяйства можно было пересчитать по пальцам, а процветание этих районов было далеко в прошлом.

Именно здесь уже несколько десятилетий бушевали пыльные бури. Они приходили довольно редко, раз в пять-семь лет, но со времен смены климата на Земле (которая и заставила начать освоение Прагмерана) почвы засушливого района превратились из песка в самую настоящую мельчайшую пыль. Она поднималась сплошной стеной и устремлялась вслед за ветром, на несколько недель накрывая дома местных жителей. Пыль пробиралась всюду: сквозь ткань, щели в стенах домов, в машины – она засыпала жилища по самые крыши не только снаружи, но и внутри. Оказаться на улице во время бури означало смерть. Остаться в доме, в который может проникнуть пыль – долгую смерть.

Поэтому сейчас, узнав о приближении бури, правительство начало эвакуацию немногочисленных жителей из опасной зоны. Но оказалось, что некоторые в помощи не нуждались. Те, кто мог себе это позволить, за годы затишья подготовили свои дома к ненастью. Это были надежные герметичные строения, оборудованные системой вентиляции и фильтрами для воздуха. В них было все необходимое, чтобы переждать бурю в безопасности: запас продовольствия, дополнительные источники электричества, связь и даже та-

кие приспособления, что могли расчистить выход из дома, когда пыль уже улеглась. (Другим, чтобы выйти из здания, приходилось ждать помощи спасателей). В таких хозяйствах даже хлева и амбары были надежно защищены от пыли. Их владельцы предпочитали укрыться в собственных домах, а не отправляться на военных грузовиках к тесным убежищам и лагерям, бросая все нажитое на произвол судьбы и милость природы. Там оказывались только те, кто не мог построить себе новый дом или переехать в безопасное место, оставаясь в старых, деревянных, насквозь продуваемых ветром жилищах.

И именно туда держал путь шаттл. Холмы и зеленые шапки лесов скоро сменились просторами степей, которые разрезали полосы шоссе. Все кругом казалось безопасным и мирным, и Мэтту с трудом верилось, что это место за несколько часов может превратиться в смертельную ловушку для всего живого.

В этот раз приземление шаттла не сопровождалось приветственными криками. Их встретили четыре человека, у дома которых была забетонирована посадочная площадка. Мэтт усмехнулся. Видимо, эта семья уже не впервые встречала прагмеран на своей, надо заметить, процветающей ферме. Во дворе большого дома неторопливо вышагивала хозяйственная машина (Мэтт слышал, что подобные устройства на Земле называли «механами»). Пилот в кабине явно старался не раздавить кур, снующих под ее огромными ногами.

Невдалеке, за деревянной изгородью, паслись несколько коров, а из сарая за домом доносилось ржание. Алексей Петрович, хозяин фермы, представил гостям свою семью: жену Марию и двух сыновей – Сашу и Вову. Первый из них, обыкновенный юноша лет семнадцати с широкими плечами и редкой щетиной на подбородке, был совершенно непримечательным. А Вова, мальчишка лет двенадцати, мгновенно привлек всеобщее внимание. На Прагмеране детей можно было увидеть нечасто, разве что на каких-то мероприятиях, куда их группами вывозили сотрудники воспитательных центров. Поэтому круглолицый веснушчатый мальчишка в клетчатой рубашке и явно великоватых для него рабочих сапогах произвел на всех неизгладимое впечатление.

– Такой маленький, а выглядит уже как нормальный человек, – услышал Мэтт слова одного из туристов. Странно, но вид этого мальчугана оставил у него неприятный осадок. Ведь где-то там, далеко-далеко, у него тоже были дети. Он даже не помнил, сколько их, но точно знал, что никогда их не встретит. Не сможет даже узнать, как их зовут и где они учатся. Для Программы родопродолжения это была закрытая информация.

Когда группа отправилась осматривать ферму, тяжелые мысли все-таки оставили Мэтта. Он не особо вслушивался в слова пузатого Алексея, чьи губы почти полностью скрывались за пышными рыжими усами с проседью. Его речь, заученная и произнесенная уже не один десяток раз, не пред-

ставляла собой никакой ценности. Зато возможность посмотреть, как же устроено хозяйство, не защищенное Куполом, была для Мэтта куда важнее любой лекции.

— А куда уходят куры на ночь или в дождь? — громким шепотом спросил он Вову. Тот шел к нему ближе всех и не проронил еще ни слова, как и его брат с матерью. Глаза мальчика округлились, он перевел испуганный взгляд на Марию.

— Ну, малыш, не молчи, — она с улыбкой потрепала его по голове и обратилась к Мэтту. — Ваши соотечественники обычно не разговаривают с нами, да мы и сами не навязываемся. Кто вас поймет, может это не принято.

Мэтт слегка задела эти слова. Он вспомнил, как в автобусе Ритти вскочила с места, стоило ему лишь немного повысить голос. Неужели прагмеране действительно настолько странно себя ведут?

— У нас есть курятник вон там, возле сарая, — насупившись, Вова ткнул пальцем в небольшой деревянный короб, собранный, казалось, из того, что попало под руку. — Они там спят и прячутся от плохой погоды.

Обнаружив, что Мэтт с интересом его слушает, мальчишка осмелел, и впервые с момента прилета шаттла суровая гримаса покинула его лицо.

— А еще я каждое утро меняю им солому и наполняю кормушки. У нас всего восемь кур и один петушок, но он еще совсем молодой. А когда придет пыль, мы их дом перенесем в сарай. Он у нас крепкий, в него ничего не попадет.

– Ты помнишь прошлый раз, когда поднялась буря? – Мэтт сразу пожалел о том, что задал этот вопрос, заметив, как напряглась Мария. Она шла поодаль, но все же внимательно прислушивалась к их разговору.

– Да, мы тогда все закрыли. Даже окна, так что совсем не было видно, что снаружи происходит. Так и сидели в темноте две недели, потому что провода оборвало ветром. Папа говорил, генератора хватит только на то, чтобы в дом шел воздух. Тогда у нас были лишь коровы, и они тоже в сарае стояли, ждали, когда все закончится. Сначала страшно было, особенно вечером, когда спать ложились. Темно так, в доме тихо совсем, только слышно, как пыль по крыше шелестит. А потом я привык уже. Когда все закончилось, прилетели спасатели и расчистили дом снаружи. Ну, чтобы мы смогли выйти. А потом мы сами убирали то, что осталось: сначала лопатами носили, а потом водой заливали.

Мэтт, пытаясь скрыть удивление, слушал мальчика, с недетской серьезностью говорившего о пережитом кошмаре. С ним ему предстояло встретиться снова, и Вова это понимал.

– В этот раз будет намного проще, – сказала Мария. – Мы поставили новый генератор, он сможет обеспечивать весь дом несколько недель. А от линии отключимся заранее. Все не так страшно, если ты готов и знаешь, чего ждать.

– Почему же вы не переедете? – задал Мэтт давно волновавший его вопрос.

– Да как же, миленький, мы переедем? А скот куда, с собой везти? Земля тут дешевая, никто не станет переселяться в районы бури. И на что нам тогда ферму купить в другом месте? Не бросать же все, приспособились уже.

Мэтт вспомнил бурю, которая произошла на Прагмеране лет так двадцать пять назад. Тогда ветер поднимал не только песок, но и верхний слой грунта с мелкими камнями и швырял их в стеклянные террасы, купола и крыши, отделявшие тысячи людей от мгновенной смерти. Но сколько бы ни бушевала стихия, ни единая трещина не нарушила идеальные своды. Он тогда был маленьким, но до сих пор помнил, как воспитатели центра вывели их на террасу полюбоваться необычным зрелищем. Никто не боялся, не плакал и не прятался – все были уверены в крепости города. Когда буря стихла, их отвели обратно, и через пару дней все уже забыли об этом страшном ненастье. Жаль, что Земля была слишком бедной, чтобы создать такие системы защиты, которыми обладал Прагмеран. К тому же, Мэтт сомневался, что здесь вообще владеют подобными технологиями.

После экскурсии по ферме, которая привела Мэтта в восторг видом гуляющих на свободе животных, хозяева пригласили группу к себе домой «перекусить». Такое радушие, вероятно, тоже входило в стоимость поездки, но, несмотря на это, Мэтт с воодушевлением отправился за Вовой. Мальчишка болтал без умолку, поражая его смышленостью и расторопностью. О ферме он знал абсолютно все, а слушать его

рассказы было куда увлекательнее, чем сухие речи Алексея.

Оказавшись в доме, Мэтт невольно вспомнил кафе, где он обедал с Ритти. Кроме необходимых предметов, которые встречались в любых апартаментах на Прагмеране, дом землян был набит всевозможными бесполезными вещами: картинами, книгами, журналами, вазами, горшочками, старыми непонятными аппаратами и еще множеством откровенного барахла. Но это было даже забавно, Мэтту понравилось вглядываться в глубины полок, выхватывая взглядом то огромную ракушку, то фотографию хозяина с длинной зубастой рыбой в руках, то маленького фарфорового попугая, сидевшего на одном из горшков с цветами.

Оказалось, что в доме фермера была большая кухня (вот уж чего точно не встретишь на Прагмеране), в которой и обедала семья. Группа расселась за длинным потертым столом, озираясь по сторонам и увлеченно слушая рассказ Ритти о назначении поварской техники.

– Поразительно, – то и дело говорил кто-то из гостей, рассматривая двустворчатый холодильник, едва проглядывавший из-под детских рисунков и цветных магнитиков.

Через пару минут перед каждым оказалось по тарелке с горячими и непривычными на вид шариками из теста, в которых скрывалась непонятная, но ароматная начинка. К «пирожкам» – так хозяйка назвала это земное блюдо – полагался стакан настоящего фермерского молока. Нечего было и говорить о разнице между этим жирным густо-белым напит-

ком и той бледной жидкостью, что выдавали пищеблоки.

– Безумие, насколько же устаревший материал, – пробурчал полный мужчина, недоверчиво рассматривая содержимое стеклянного стакана на свет. Теплый запах наполнил кухню и, как ни странно, ни один из гостей не сумел отказаться от, безусловно, странного, но очень заманчивого угощения. Мэтт, с удовольствием утирая подбородок, был уверен, что многие по прибытии домой отправятся к врачу за восстанавливающей диетой после такого сомнительного питания. Вова, усевшийся рядом с Мэттом, с очень взрослым видом потягивал газировку через трубочку прямо из бутылки.

Когда туристы, сытые и полные впечатлений, вышли из дома и начали загружаться в шаттл, Мэтт немного отстал от остальных и присел на низкий деревянный забор рядом с мальчишкой. Тот неторопливо жевал какой-то желтый колосок, перебрасывая его из одного уголка рта в другой.

– Зачем ты это делаешь? – Мэтт кивнул на травинку.

– Не знаю, у нас все так делают, когда становится скучно, – Вова пожал плечами и взглянул на прагмеранина.

– Какие же вы все-таки странные.

Мальчик покачал головой и перекинул колосок на другую сторону:

– Не-а. Это вы странные. Такие... вроде бы с другой планеты, летаете на всяких штуках, а ничего сами не знаете. Но ты мне нравишься.

Тут Вова повернулся к остолбеневшему Мэтту и протянул ему руку. Прагмеранин молчал. Он слышал про этот жест и то, что он означал на Земле. Глубоко вздохнув, он осторожно сжал маленькую ладонь в своих пальцах и легонько ее встряхнул. Вова залился смехом и спрыгнул с забора.

– Ну вот, я же говорил, что вы ничего не знаете. До свидания! Приезжайте к нам еще!

Мэтт опустился на свое кресло возле иллюминатора и закрыл глаза. Он с трудом верил в то, что произошло. Впервые с самого детства он дотронулся до человека, и это была не Клара. Это был мальчик с Земли.

Шаттл следовал к месту эвакуации, где спасатели и военные готовились вывозить население из опасной зоны. Время в пути Ритти предложила скоротать за просмотром фильма о катаклизмах на Земле. Он рассказывал о бурях на юге, невообразимом холоде в северных районах планеты, о засухах и наводнениях, накрывавших целые города. Жуткий рассказ диктора сопровождался кадрами очевидцев и тревожной музыкой. Сначала фильм вызвал у Мэтта неподдельный интерес, но вскоре он заметил, что большинство съемок были сделаны еще в период изменения климата Земли и во время первых полетов на Прагмеран. Сейчас местные жители уже много лет как покинули зоны катастроф или нашли способ противостоять бесчинствующей природе. Бури на юге Старой России оказались последним из неприятных сюрпризов, преподнесенных Землей. Именно поэтому компания

ТрансПлан поменяла маршрут – стихийные бедствия становились прекрасным способом заинтересовать прагмеранских туристов. Монотонно-драматичная речь диктора эхом отдавалась в голове Мэтта, которого вскоре сморил сон.

– Мистер Маррет! Проснитесь! – Ритти помахала рукой перед его едва открывшимися глазами. – Мы на месте! Терпите, мы здесь ненадолго, через час отправимся обратно в город, там нас ждет отель.

– Да, да, я иду, – Мэтт, разминая затекшую даже в таком удобном кресле спину, последним покинул шаттл. Приземлились они в настоящей глуши. Пустынная степь, укрытая ковром жухлой травы, простиралась почти до горизонта, где упиралась в холмы, редкий подлесок или невысокие скалы. Куцый кустарник выглядывал темными островками на бледной глади земли, а невдалеке рисовались нехитрые контуры нескольких домиков.

Постройка, рядом с которой приземлился шаттл (здесь уже не было и намека на посадочную площадку), вовсе не походила на солидную ферму семьи Петроченко. Одноэтажное деревянное здание, будто прижатое к земле, не было обнесено забором, а вокруг него росла, покрывая колдобины и кочки, лишь жесткая трава. Видимо, когда-то давно стены дома были выкрашены голубой краской, но сейчас от нее остались лишь хлопья, осыпающиеся на песок от одного прикосновения. Несмотря на это, домик выглядел аккуратно: чистые целехонькие окна и деревянные ставни были открыты, а поры-

вы ветра то и дело выбрасывали из них шлейф белых занавесок. Небольшой сарай, видневшийся за домом, явно был построен недавно. Здоровым и ухоженным выглядел и ребенок лет шести, бегавший в шортиках во дворе и подбиравший с земли камешки.

– Данечка, малыш, привет! – Жоан помахала мальчугану рукой.

Тот остановился и сунул камни в карман шортов.

– Здрасьте, – прогундосил он. – Мама вещи собирает.

Ритти жестом остановила группу и исчезла в доме, хлопнув скрипучей входной дверью. Воцарилась неловкая и тревожная тишина. После секундного замешательства прагматичнее развернулись и отправились обратно к шаттлу: кто-то зашел внутрь, кто-то присел на кочку и принялся копать ногами песок. Мэтт опустился на землю прямо там, где стоял, и принялся наблюдать за мальчиком. Таких маленьких детей он еще никогда не видел. Этот был намного меньше Вовы ростом и никак не походил на взрослого, даже движения его были какими-то судорожными и нелепыми.

На земле рядом Мэтт заметил маленький плоский камешек и, повертев его в руках, протянул мальчику.

– Зачем ты их собираешь? – спросил он после того, как малыш перестал бегать и обратил на него внимание.

– Я делаю груз, – ответил ребенок, не спеша подходить к незнакомцу.

– Вот, возьми, я тоже нашел один.

– Нет, спасибо, я сам, – мальчик похлопал по раздувшимся карманам шортов, которые, казалось, вот-вот прорвутся.

– И куда ты положишь этот груз?

– На брезент, чтобы он не улетел, и курочки не умерли.

– А можно мне тоже положить груз, который я нашел? – Мэтт помахал камешком, чувствуя себя при этом полным дураком.

– Можно, но он совсем маленький, такой ничего не удержит.

– А я положу его с твоими, тогда твой груз будет тяжелее.

– Да? – казалось, слова Мэтта убедили малыша. – Ну, хорошо, пойдемте. Только возьмите еще пару камней, если увидите.

Прагмеранин вскочил и двинулся вслед за ребенком. Тот, быстро перебирая маленькими ножками, юркнул за дом, где к одной из стен был пристроен неказистый навес. Под ним укрылся большой короб, сделанный из проволочной сетки и деревянных брусьев. Внутри копошилась целая орава молодых курочек, а поверх всей конструкции был накинута брезент, прижатый с трех сторон камнями. Один его уголок, шелестевший на ветру, мальчик придержал ногой и начал засыпать содержимым карманов.

– Ты это, конечно, хорошо придумал, но тут нужен булыжник побольше, – Мэтт огляделся по сторонам и приметил подходящий камень. – Вот такой, например.

Подхватив глыбу в руки, он вдруг увидел в окне дома Рит-

ти и молодую девушку с уставшим и угрюмым лицом. Они разгоряченно спорили о чем-то, и до Мэтта доносились приглушенные визгливые голоса. Бросив беглый взгляд в окно, девушка с такой злостью посмотрела на него, что Мэтту стало не по себе.

Спустя пару секунд, дверь дома с грохотом распахнулась, и мама Дани, а это была именно она, выскочила во двор, вздымая клубы пыли. Не успел Мэтт и моргнуть, как она оказалась прямо перед ним, так и замершем с булыжником в руках.

– Брось чертов камень, и убирайтесь отсюда! Это не цирк и не кино, Ритти! Бог с ним, приходите, глазейте на нас, как на зверей в зоопарке! Но сейчас-то зачем?! Весело смотреть, как люди теряют свой дом? Как пытаются спасти хоть какие-то вещи? Брось камень, кому сказала!

Мэтт подчинился. Вид девушки его потряс: молодое лицо с приятными правильными чертами выглядело измученным и испуганным, в красных опухших глазах стояли, казалось, многодневные слезы.

– Машины нет, Ритти! Ты знаешь где она? Или ты забереешь нас с Даней на вашем чертовом летающем блюде? Нет, ты не забереешь! И они не заберут! Они послушают, поснимают – и поминай как звали! А мы все сдохнем прямо в своих домах, если машина не приедет!

– Удачи тебе, Кристина. Мы не хотели причинять неудобство, – сдержанно ответила Ритти и кивнула Мэтту на шаттл.

Когда он обернулся, Даня дергал маму за рукав, показывая ей то на валун, то на развевающийся серый брезент, но она лишь опустила на землю рядом с ним и закрыла голову руками.

— Господа, все на борт, будем наблюдать за эвакуацией отсюда, — скомандовала Жоан, и туристы послушно заняли места у иллюминаторов. Мэтт с Ритти сели прямо на подножку у открытой двери корабля.

Кристина все еще сидела там, где они ее оставили, а Даня тщетно пытался заставить маму встать.

— Ужасно, — от слов этой загнанной, испуганной девушки Мэтт чувствовал себя просто отвратительно. Еще полчасика назад он был наблюдателем и лишь смотрел со стороны на людей, к которым, на самом деле, не имел никакого отношения. Теперь же его обвинили в причастности к их бедам, и, кажется, в этом была доля правды.

— Не злитесь, мистер Маррет, — Ритти тоже выглядела очень огорченной. — Ее муж погиб вскоре после рождения Дани. Несчастные случаи здесь не редкость. Это будет ее первая эвакуация с ребенком, а ведь Кристина теперь совсем одна. Я первый раз вижу ее такой, — Жоан зажмурилась и стряхнула с лица песок, который вдруг поднял и закружил ветер. — Хотя, мы и знакомы совсем недолго. Вы — третья группа, которая сюда приехала.

— О какой машине она говорила?

— О военных, они проводят эвакуацию. Грузовики или ав-

тобусы – тут как повезет – собирают жителей и отвозят их в убежище или лагерь. На все эти дома, – Ритти указала на строения вдалеке, – приезжает одна машина. Как только она появляется, жители берут столько вещей, сколько могут унести, и идут вот-туда, видите, где стоит красный маячок?

Мэтт кивнул, заметив тусклый огонек, мерцающий сквозь мутную завесу песка.

– А когда начнется сама буря?

– Завтра вечером, и продлится она около двух недель. По крайней мере, так обещает метеорологическая служба. Хотя, когда речь идет о катаклизмах и аномалиях, точных прогнозов быть не может. Следующая группа с Прагмерана уже поедет смотреть, как жители возвращаются в свои дома.

– Их гидом будете вы?

– Нет, я... я не хочу на это смотреть. О, глядите, машина едет! – Ритти вскочила, и ее голос за мгновение снова стал пронзительным и визгливым. – Всем внимание, сейчас вы можете увидеть военный автобус, остановившийся у маяка. Местные жители берут лишь самое ценное и необходимое и спешат на посадку. Машина не подъезжает близко к домам, чтобы люди не пытались забрать с собой в забитый транспорт ненужные и громоздкие вещи.

Мэтт видел, как Кристина, схватив Даню на руки, подбегает к автобусу. Она передала малыша одному из военных и кинулась обратно в дом – за вещами.

Следующие пару секунд Мэтт не видел ничего. Они с Рит-

ти разом заслонили лица руками, укрываясь от очередного удара ветра и песка.

– Да что за ерунда, – отплеываясь, воскликнула гид. – Откуда чертов песок?

Вдруг она замерла и прищурилась, всматриваясь в даль.

– Что там, уезжают? – Мэтт судорожно моргал и пытался избавиться от сора, попавшего в глаза.

На его вопрос Ритти не ответила, но только пролепетала:

– Не может быть.

– Не может быть что? – боль, наконец, утихла, Мэтт открыл глаза – и не поверил им. Из-за холмов вдалеке поднималась сплошная бурлящая стена песка. Она клубилась, играла в закатных лучах оранжевыми и красными бликами и быстро закрывала небо. Глядя, как скалы и далекие шапки лесов исчезали, проваливались в жуткое плотное облако, Мэтт осознал, с какой невероятной скоростью двигалась эта стена. Она неслась прямо на них.

Буря началась. Крики людей в автобусе доносились даже до шаттла, и вдруг Мэтт увидел то, что испугало его еще сильнее. Даня, не замеченный взрослыми в суматохе, выскользнул наружу и кинулся к дому. Но побежал он не к двери, за которой скрылась Кристина, а юркнул за угол. Только сейчас Мэтт понял, что никто так и не прижал вздымавшийся край брезента, под которым копошились курочки. А Кристина уже возвращалась к автобусу.

Мэтт сорвался с подножки шаттла и с криками бросил-

ся к дому, пытаясь привлечь внимание спасателей. Он был уже недалеко, слышал визг Ритти из корабля, слышал плач Кристины и, казалось, в вое ветра различал даже испуганное кудахтанье треклятых птиц. «Там мой ребенок!» – донесся до Мэтта последний отчаянный вопль, и тут его накрыла пыль.

Он остановился, согнулся пополам. «Это конец», – мелькнула простая и страшная мысль, от которой все мышцы Мэтта в миг одеревенели. Он не мог открыть глаза, не мог вздохнуть и даже пошевелиться: впервые его охватила настоящая паника. Казалось, еще несколько секунд, и он лишится чувств и навсегда останется на этой кошмарной планете, погребенный под толстым слоем пыли и песка. Вдруг до него донесся голос. Или в диком вое ветра ему лишь померещился тонкий детский плач? Пыль обжигала кожу, не давала открыть глаза, и даже маленький вдох отдавался безумной болью, но Мэтт все же сделал шаг вперед.

– Даня! – закричал он, чувствуя, как пыль забивается ему в рот. – Даня, я здесь!

Он сделал еще шаг, потом второй, третий и побежал. И снова ветер донес до него звук, так похожий на слабый голосок. Через мгновение Мэтт наткнулся на стену.

– Даня, сюда!

На этот раз ему не ответил никто, кроме ветра и треска пыли по деревянной крыше. «Опоздал», – подумал он и пошатнулся. Кто-то ухватил его за штанину комбинезона. Даня

сидел прямо рядом с ним, натянув футболку на лицо и намертво вцепившись ручонкой в костюм Мэтта. Подхватив ребенка на руки, Мэтт наощупь двинулся к двери. Он точно знал, что каждый вдох приближает его к скорой смерти, но перед тем, как зайти в дом, все-таки попытался различить автобус сквозь толщу несущейся пыли. Глаза его пронзила такая боль, что на мгновение их застил яркий белый свет.

Захлопнув дверь, Мэтт повалился на пол, кашляя и, казалось, задыхаясь.

– Дяденька, не умирай! Нас засыплет! – Даня забарабанил ладошками по его спине. – Вставай!

Мэтт почувствовал, как через щель под дверью ветер несет колючую пыль, которая уже собиралась вокруг него в маленькие барханы.

– Тряпки, – прохрипел он, вставая. – Неси тряпки, все, что есть.

За узкой прихожей оказалась большая комната, окна которой Кристина, к счастью, успела закрыть. Деревянные ставни бились и грохотали снаружи. Оставалось надеяться, что под напором ветра они не разнесут вдребезги тонкие стекла. Коридор вел из гостиной к двум другим комнатам, ими оказались небольшая кухня и детская. Пыль уже была внутри: тонкими струйками она просачивалась в щели вокруг трещавших окон, а где-то даже между листами старых обоев. Она лежала на полках, на полу, бежала потоками по коридору и скапливалась у стен. Даня ревел во весь голос, но все-

таки не переставая метался из детской в гостиную, принося охапки одежды, одеяла и какие-то тряпки. Слезы сбегали по его пухлым щекам, оставляя за собой грязный пыльный след. Оказавшись на кухне, Мэтт сразу заметил, что в ней не было окна. Распахнув шкафчики, он одним движением выбросил все их содержимое на пол, наполнил одну из кастрюль водой и кинулся в гостиную забивать щели мокрыми тряпками.

За окнами воцарился настоящий ад. Пыль и песок, закручиваясь воронкой, образовали котлован, а ветер все крепчал. Где-то совсем рядом визжала собака, прибежавшая, должно быть, от соседних домов. Меньше чем за минуту она замолчала.

Вдруг по дому разлетелся звон бьющегося стекла, и малыш завыл пуще прежнего. Окно в детской не выдержало и брызнуло грязными осколками на пол. В дом с рокотом врывались клубы пыли, и они снова обожгли все нутро вбежавшего в комнату Мэтта. Казалось, он даже не думал. Руки сами делали все, что нужно. На пол полетели книжки с картинками, и проем окна был задвинут шкафом, а несколько тряпок намертво забили оставшиеся щели. Оглядевшись, Мэтт понял, что основные потоки пыли удалось остановить. Теперь оставалось только гадать, насколько долго продержатся их нехитрые укрепления. Даня забился в угол на кухне и уже беззвучно сотрясался от рыданий. Мэтт хотел сказать, что он молодец и здорово помог, но тут стены поплыли пе-

ред его глазами, и он погрузился во тьму.

Когда Мэтт очнулся, первым, что он почувствовал, была режущая боль в глазах. Они опухли и слезились, и даже непроницаемый мрак кухни, казалось, был скован вязкой пеленой. Через пару минут, привыкнув к темноте, Мэтт уже различал очертания мебели, стен и мальчика, тихо сидевшего рядом с ним.

– Что произошло? – прохрипел он, приподнимаясь на локтях.

– Ты пролежал всю ночь и почти весь день, – голос Дани дрожал.

Когда Мэтт попытался встать, его сковал сильный кашель, горло и грудь будто обжигало при каждом спазме. Он с трудом перебрался с пола на шаткий пластиковый стул и обнаружил, что мальчик сам закрыл дверь кухни и обложил ее оставшимися тряпками.

– Что произошло, пока я... лежал?

– Кажется, в гостиной ночью треснуло окно. Был жуткий грохот. Я сразу закрылся, как ты делал вчера. А потом ветер кончился, но я не выходил отсюда. Мне страшно дверь открывать.

Мэтт снова разразился кашлем.

– Можешь налить мне воды? – спросил он мальчишку, и тот, неловко шаря в темноте, все-таки сумел подставить стакан под холодную струю из-под крана. На вкус вода оказалась довольно странной, от нее пахло железом, но все же

Мэтт залпом осушил стакан. Хоть каждый глоток отдавался тупой болью, дышать стало как будто легче.

– Надо посмотреть, что там, – Мэтт встал и с замиранием сердца нащупал дверную ручку. Как ни странно, он не боялся. Тьма, ребенок и призрачные очертания комнаты казались просто дурным сном, который должен был вот-вот закончиться. В любом случае, для начала следовало осмотреться и понять, так ли все плохо. Мэтт глубоко вздохнул, снова поморщившись от боли, решительно толкнул дверь и вышел в коридор.

Он помнил, как в царившем вчера хаосе заметил в гостиной большой фонарь, а сейчас он был совершенно необходим. Мэтт сделал несколько осторожных шагов, ступая по пыли и песку, которые он скорее чувствовал под ногами, чем видел. Детская была закрыта, но дверь не поддавалась. Похоже, с другой стороны ее намертво завалило пылью.

Как и сказал Даня, испуганно выглядывавший из-за спины прагмеранина, ночью ветер разбил окно и, как оказалось, не одно. В жутких беспорядочных очертаниях с трудом можно было узнать комнату, что Мэтт видел вчера. Из трех небольших окошек два скрылись под метрами пыли, протянувшейся от каждого двумя огромными грядами, белевшими во мраке. Сильный ветер не дал пыли равномерно заполнить комнату. Она, поднявшись барханами, собралась у стен, расплзлась по полу, где, судя по всему, лежал слой сантиметров в тридцать. К счастью, два продолговатых холма,

высотой чуть уступавшие росту Мэтта, сами перекрыли выбитые окна. Чернеющая пустота за единственным уцелевшим стеклом говорила о том, что снаружи дом был погребен под слоем пыли и песка. Входная дверь, разумеется, оказалась накрепко прижата барханами и лишь жалобно скрипнула в ответ, когда ее попытались открыть.

– Что нам теперь делать? – пролепетал Даня, без устали шмыгавший носом. Едва они покинули безопасное место, он ухватил Мэтта за руку и до сих пор не желал отпускать. Да, на этой планете никто не учил детей соблюдать личное пространство окружающих. Но, с другой стороны, подобные жесты, нормальные и привычные для землян, вызывали у Мэтта противоречивые чувства. Ощущение маленьких пальчиков, с надеждой и доверием сжимавших его ладонь, было точно не противно. Он даже немного гордился тем, что совершенно чужой ребенок видел в нем некоего защитника. С другой стороны, гигиеничность такого контакта порядком его тревожила. Но разве об этом стоит волноваться в подобной ситуации?

– Не знаю. Что-нибудь придумаем, – ответил Мэтт, сильно сомневаясь в правдивости своего обещания.

Первым делом он направился в ванную, планировка которой повергла бы в шок любого прагмеранина. Он прополоскал рот, где все еще хрустел песок, промыл воспаленные глаза и, поборов брезгливость, умыл мальчика – оказалось, по его щекам до сих пор беззвучно катились слезы. Мэтт су-

дорожно соображал.

Надолго ли стихла буря? Как им защититься от ее следующего прихода? Как вызвать помощь, и сколько они продержатся в ее ожидании? Будут ли искать прагмеранина, исчезнувшего в пыльной буре в какой-то земной глуши?

– Даня, слушай меня. У вас есть аппарат связи? Хотя что-нибудь?

– Я не знаю, – прохныкал мальчик, готовый снова разрешиться в голос. А для слез сейчас совершенно не было времени.

– Так, успокойся! Поразмысли головой своей сопливой! Как мама обычно звонила другим людям?! – Мэтт и подумать не мог, что нечто может настолько быстро вывести его из себя. Уже который раз за два дня на этой проклятой планете он поступился своими принципами? Рукопожатия, вспыльчивость, а что же будет дальше?

– У нас есть компьютер, она всегда по нему звонила и разговаривала, – Даня оробел и перестал всхлипывать. – Он там, в комнате.

– Ну, и это отлично! А плачем ты нам не поможешь, – Мэтт зашагал в гостиную, вздымая носками ботинок клубы пыли, и тут его радостно забившееся сердце упало. «Там, в комнате» означало, скорее всего, «уничтожен грудой пыли». Прагмеранин чертыхнулся, и вдруг что-то зацепило его за ногу. Он со всего ходу грянулся на пол, но толстый слой песка смягчил падение. Когда пыль улеглась, Мэтт с удивле-

нием обнаружил, что смотрит на фонарь, стоявший на полке прямо у него над головой.

– Я нашел! Фонарь, он целый! – сам не зная зачем, закричал он.

Яркий голубоватый свет залил гостиную, и перед глазами ясно обозначились бледные пылевые гребни, пересекавшие комнату и застывшие волнами вдоль стен. За ними пролегли черные тени, зловеще плясавшие от каждого движения фонаря. Рядом с Мэттом вдруг появился мальчик, белый, как полотно, и совершенно не похожий на того ребенка, что еще вера собирал камешки во дворе.

Оказавшись в гостиной, Даня ткнул пальцем куда-то за бархан, и Мэтт тут же пересадил его через волнистый песчаный гребень. Сам он, скатываясь по песку, перебрался на другую сторону ползком. В комбинезон забила пыль, было жутко неудобно и даже больно. Тут он увидел компьютер: из холмика песка, выросшего возле стены, едва виднелся край старого монитора. Смахнув добрую половину бархана, Мэтт нашел и сам блок. Нечего было и думать его включать, но Мэтт все-таки попробовал – тщетно. Даня, не сказав ни слова, отправился копать в пыли, выискивая, доставая и тут же выбрасывая какие-то вещи.

Электричества, разумеется, не было, и, кроме уже обнаруженного фонаря и убитого пылью компьютера, они так ничего и не нашли. Мэтт перебирал книги, рамки с совершенно неинтересными ему фотографиями, одежду в шкафах, го-

ры другого непонятного хлама и приходил в отчаяние. Грудь снова щемил кашель, в тишине и мраке он слышал только шелест вездесущей пыли и собственное хриплое дыхание. Они были в ловушке, заживо погребенные в этой мертвой сухой земле, без малейшего шанса сообщить о себе или позвать на помощь.

Мэтт вернулся на пластиковый кухонный стул, его трясло и мутило. Это был настоящий кошмар. Сейчас он не мог объяснить даже самому себе, зачем покинул шаттл. Какое ему дело до этого мальчишки? Какое дело до его мамы, которая не может уследить за одним единственным ребенком? Мысль, что он погибнет на Земле, казалась ему противоестественной: пусть каждый живет и умирает на своей планете! Пусть каждый решает только свои проблемы и задачи, которые подкидывают обстоятельства. Не чужие! Не на далекой и гиблой Земле!

– Я есть хочу! – вдруг занял мальчишка. После раскопок в гостиной все его волосы покрылись пылью, от чего сейчас в свете фонаря ребенок казался седым.

– Я не умею готовить, – огрызнулся Мэтт.

– Что за взрослый, который не умеет готовить?!

– Оставь меня в покое! – прагмеранин вскочил, но приступ головокружения заставил его опуститься обратно. – Меня вообще не должно быть здесь! Мне вообще плевать и на вашу бурю, и на ваш дом!

– Но ты уже здесь! Тебе не может быть все равно!

Мэтт лишь махнул рукой на вновь зарывавшего ребенка и зашелся раздражающим легким кашлем. Когда сдавливающие его спазмы прекратились, он упал грудью на стол и закрыл глаза. Он не знал, что делать. Он был обречен. С этой мыслью Мэтт и заснул, положив голову на липкую пластиковую столешницу.

Проснулся Мэтт от странных звуков, которые никак не могли наполнять это место, ставшее для него смертельной ловушкой. Он открыл глаза, но все же не мог понять, что происходит. До него отчетливо доносились голоса людей, певших под совершенно незнакомые, но приятные звуки музыки. Он так и сидел, опустив голову на стол, но теперь перед ним выстроилась целая стена из банок, коробок и пластиковых пакетов, ярко освещенных фонарем. Даня, тихо подвывая поющим людям, бросил на стол еще пару жестянок и заметил, что Мэтт проснулся.

– У нас много консервов, макарон, яиц, есть овощи в банках, хлеб и кофе. И бекон! Мама всегда делала с беконом очень вкусную яичницу.

– Что происходит?

– Смотрю, что можно съесть. Я же говорил, что голодный. И уже давно!

Мэтт осторожно встал, опираясь на стол, и огляделся в поисках поющих людей. На Прагмеране музыка никогда не сопровождалась человеческим голосом, но из некоторых фильмов о Земле он знал, что на этой планете люди до сих пор

владеют древним искусством вокала.

– Что это за пение? – только сейчас Мэтт заметил в глубине кухни маленький ящик с двумя динамиками, который, несомненно, издавал все эти звуки.

– Это же «Земляне»! – Даня вскинул брови. – Все их знают, и мама очень любит. Она говорит, что папа раньше играл их песни.

– Понятно, что земляне, – пробурчал Мэтт. – Прагмеране же не поют.

Мальчик пожал плечами и с головой погрузился в один из кухонных шкафчиков. Оттуда донесся лязг жестянок и детский голос, вторящий припеву о рокоте космодрома. И тут Мэтта осенило: ¹

– Подожди, это же... радио?

– Конечно, а что же еще?

¹ Цитата из песни «Трава у дома» группы «Земляне».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.